

тов. Исходя из всего этого, никак нельзя говорить, как это делал М.М. Ковалевский, о том, что Локк «предугадал все дальнейшее развитие английской конституции» [2, с. 117]. Если Локк в своих работах действительно сумел в общих чертах обосновать развитие конституционной монархии как дуалистической в период примерно с конца XVII в. до начала или даже первой половины XVIII в., то парламентская монархия, которая стала складываться в XVIII в., уже развивалась несколько в ином русле, нежели это представлялось философу.

Список литературы

1. Александрова С.П. Становление и утверждение дуалистической монархии в Англии. Л., 1989.
2. Ковалевский М.М. История политических учений нового времени. СПб., 1909–1910.
3. Cannon J. Parliamentary reform. 1640–1832. Cambridge, 1973.
4. English Historical Documents / ed. by A. Brown. V. 8. L., 1953.
5. The Law and Working of the Constitution. Documents. 1660–1914 / ed. by W.C. Costin, J.S. Watson. V. I. L., 1961.
6. Locke J. A Letter from a Person of Quality to his Friend // Cobbett W. Parliamentary History of England. V. IV. Appendix V. L., 1808.
7. Select Documents of English Constitutional History / ed. by G.B. Adams and H.M. Stephens. N.Y., 1935.
8. Select Statutes, Cases and Documents. 1660–1832 / ed. by C.G. Robertson. L., 1935.

* * *

1. Aleksandrova S.P. Stanovlenie i utverzhdenie dualisticheskoy monarhii v Anglii. L., 1989.
2. Kovalevskij M.M. Istorija politicheskikh uchenij novogo vremeni. SPb., 1909–1910.

English legislation in the end of XVII – early XVIII century and political doctrine of John Locke

The article deals with the ideas of a famous English thinker John Locke, describes the relationship between the legislation of the end of XVII – early XVIII century that formed a system of constitutional monarchy in England, and the political concept of John Locke.

Key words: *England, John Locke, the Glorious revolution, constitutional monarchy, legislation.*

(Статья поступила в редакцию 24.07.2017)

К.Б. ПЕТУНИН
(Калининград)

ВЛИЯНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА Л. УОРТИНГТОНА-ЭВАНСА НА РАЗВИТИЕ БРИТАНСКИХ ТАНКОВЫХ ВОЙСК МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

Рассматривается деятельность военного министра Л. Уортингтона-Эванса и его влияние на развитие британских танковых войск межвоенного периода. Работа построена на архивных материалах Национального архива Великобритании и стенограммах заседаний британского парламента.

Ключевые слова: Великобритания, вооруженные силы, танковые войска, Уортингтон-Эванс, 1920-е гг., межвоенный период.

Сэр Ламинг Уортингтон-Эванс является единственным британским военным министром 1920–1930-х гг., занимавшим эту должность дважды: первый раз в 1921–1922 гг. и второй раз – в 1924–1929 гг. [19, р. 246]. Это также делает Уортингтона-Эванса военным министром, находившимся на своем посту дольше всех иных руководителей британского оборонного ведомства в межвоенный период.

Однако в отечественной и даже британской историографии Уортингтону-Эвансу уделяется мало внимания, что вероятно объясняется относительно спокойными с военной точки зрения для британских вооруженных сил годами, выпавшими на время его нахождения на должности главы военного министерства. В связи с этим Уортингтон-Эванс и другие военные министры 1920–1930-х гг. «теряются» на фоне таких фигур, ответственных за подготовку Империи ко Второй мировой войне, как Альфред Дафф Купер и Лесли Исаак Хор-Белиша. И все же, вспоминая о Уортингтоне-Эвансе и его роли в развитии английских танковых войск, британские историки традиционно отзываются о нем как о достаточно прогрессивном военном министре, много сделавшем для развития танковых войск в Соединенном Королевстве. Например, британский военный историк Дэвид Флетчер, известный рядом работ, посвященных танковым соединениям, описывает Уортингтона-Эванса как ревностного энтузиаста теории бронированной войны, поддерживавшего таких ее основополож-

ников, как, например, Джон Фредерик Чарльз Фуллер [9, p. 63]. А Б. Лиддел Гарт, вспоминая военного министра, писал: «Сэр Ламинг Уортингтон-Эванс был весьма расположен к механизации и модернизации армии. Он с интересом следил за публикациями ее главных сторонников» [12, p. 234].

Говоря о военном министре, стоит упомянуть о том, что руководители военного министерства Великобритании традиционно были гражданскими лицами, которые, по воспоминаниям современников, порою слабо разбирались в работе военных структур [11, p. 10]. Уортингтон-Эванс также не был профессиональным военным. Его армейская карьера ограничивалась службой с неполной занятостью во 2-й Мидлсекской добровольческой артиллерийской бригаде, где в Первую мировую войну будущему военному министру временно было присвоено звание майора. При этом Уортингтон-Эванс однозначно не был новичком или случайным человеком в политике. Будучи консерватором по политической принадлежности, он до вступления в должность военного министра успел побывать в роли министра блокады, стать членом тайного совета, войти в ближайшее окружение Дэвида Ллойда Джорджа, получить в коалиционном правительстве последнее кресло министра пенсионного обеспечения, а позднее министра без портфеля. Кроме того, будущий военный министр имел большой опыт парламентской работы [14].

«Первое пришествие» Уортингтона-Эванса в военное министерство выпало на непростые с финансовой точки зрения для британской армии послевоенные годы. К финалу Первой мировой войны Великобритания подошла с наибольшим среди стран победительниц внутренним и внешним долгом, который вырос за 1914–1918 г. в 12 раз и достиг 7,8 млрд ф. ст., в результате чего страна из кредитора превратилась в должника США [1, с. 125]. Несмотря на то, что основную работу по сокращению вооруженных сил выполнил его предшественник Уинстон Черчилль (23 February 1920. Vol. 125. P. 1339–1455)*, новый военный министр продолжил политику строжайшей экономии, в первую очередь отразившуюся именно на танковых войсках.

К моменту утверждения Уортингтона-Эванса в должности практика использования бронемашин и даже тяжелых танков для по-

давления гражданских беспорядков (22 March 1920. Vol. 127. Сс. 130–131), вызванных такими факторами, как резкое увеличение налогов, рост числа налогооблагаемых граждан, расширение борьбы рабочих за свои права и активизация освободительного движения в Ирландии, сошла на нет, а танковые подразделения все больше считались пережитком Великой войны. Наступившее мирное время делало практически ненужным в Европе британский Танковый корпус (ТК), по иронии судьбы внесший огромный вклад в перелом в ходе боевых действий и, как следствие, победу [2, с. 154].

При обсуждении проблем этого «реликта» эпохи больших сражений новый военный министр прежде всего руководствовался соображениями экономии. Достаточно взглянуть на его переписку с Остином Чемберленом и другими военными и гражданскими специалистами по поводу создания остро необходимой для дальнейшего развития не только танковых подразделений, но и механизации вооруженных сил школы будущих военных инженеров-мотористов. В каждом письме красной нитью проходит вопрос экономии, осторожного и поэтапного развития с тщательной оценкой возможных расходов. Например, 3 марта 1921 г. Уортингтон-Эванс писал: «Мой дорогой Чемберлен. Я изучил вопрос, который вы подняли в своем письме ко мне от 22 февраля. Считаю, что можно добиться большей экономии. Мы были бы очень рады организовать конференцию для обсуждения фактических деталей» [16, p. 377]. 20 июня 1921 г. военный министр сообщал: «Предлагается организовать школу для 1000 обучающихся, не потому, что это число удовлетворяет потребности армии, а потому, что это наибольшее число, которое возможно сосредоточить в одной школе. Прежде чем идти дальше, желательно дождаться результатов... Если опыт покажет возможность большей экономии, в дальнейшем она будет осуществлена» [Ibid, p. 376].

При этом подход Уортингтона-Эванса к танковым войскам нельзя считать чем-то особенным. В начале 1920-х гг. многие английские военные и политики считали танки ненужным бременем для британской армии и экономики. Даже такой милитарист, как Черчилль, стоявший у истоков создания танка и много сделавший для воплощения концепции британского танка в железе [12, p. 17–70], в те годы говорил о необходимости сохранить лишь несколько образцов этой тяжелой и дорогой боевой машины для отработки технических и тактических

* В круглых скобках здесь и далее приводятся ссылки на источник Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons.

новшеств (09 March 1920. Vol 126. Col. 1081). На этом фоне вполне логичным выглядит то, что именно при Уортингтоне-Эвансе и с его одобрения в 1921 г. ТК не стал утруждать себя вывозом 40 танков и бронемашин из обретавшей независимость Ирландии, уничтожив боевые машины в целях экономии средств на транспортировку, о чем военный министр рассказал в парламенте, сообщив депутатам, что техника была старого образца (13 February 1922. Vol. 150. Col. 639W). Для понимания масштаба цифр можно вспомнить о том, что несколькими годами позже, в 1926 г., на вооружении всего Королевского танкового корпуса находилось 359 боевых машин, довольно большая часть которых не была боеготовной, даже исходя из докладов ответственных лиц (30 March 1926. Vol. 193. Col. 1822), а в 1925–1928 гг. в Великобритании было изготовлено всего лишь 52 танка (05 March 1929. Vol. 226. Col. 222W). При этом почти все 1920-е гг. британские бронированные подразделения в Индии и на Ближнем Востоке ощущали нехватку бронетехники, используя бронев автомобили конструкции 1914 г., часто произведенные в период Первой мировой войны и имевшие куда большую степень износа в условиях жаркого климата, больших территорий и неразвитой дорожной сети, чем «ирландские» образцы бронетехники [9, p. 23–43].

В следующем 1922 г., руководствуясь соображениями экономии, Черчилль и начальник Королевских ВВС (КВВС) Хью Тренчард при непротивлении Уортингтона-Эванса (08 March 1922. Vol. 151. Сс. 1651–1698) приступили к продвижению идеи воздушного контроля, суть которого заключалась в обеспечении безопасности больших заморских территорий с помощью авиации, производящей разведку, перевозку грузов и наносящей удары устрашения и возмездия по мятежным местным жителям и бандам разбойников. На земле авиацию должны были поддерживать небольшие, но хорошо вооруженные мобильные подразделения, дополненные бронетехникой [7, p. 83]. На первый взгляд реализация этого замысла должна была способствовать развитию британских бронированных соединений, однако на деле, несмотря на то, что бронетехника являлась важной составляющей воздушного контроля, воплощение этой идеи в жизнь привело к неоднозначным последствиям.

Безусловно, воздушный контроль позволил добиться экономии, не понижая уровня безопасности в ряде заморских территорий, о чем неоднократно сообщали члены прави-

тельства (11 March 1924. Vol 170. Col. 2179; 10 March 1927. Vol. 203. Col. 1396), но для ТК и общей обороноспособности Империи в будущем это решение привело к негативным последствиям. Внедрение воздушного контроля на Ближнем Востоке началось с передачи большей части бронетехники из ведения ТК в состав КВВС, расформирования существующих армейских бронированных подразделений с их опытным личным составом, сокращения финансирования Армии вообще и ТК в частности, а также создания собственных бронированных войск в составе КВВС, что в будущем привело к обострению соперничества за финансирование, людские ресурсы и право контроля над заморскими территориями между родами войск со схожим вооружением и целями, дублированию органов управления, плохой координации действий, а порой и полному отсутствию сотрудничества между танковыми войсками и авиацией. Позднее Уортингтон-Эванс признал часть этих проблем в своем меморандуме от 1923 г., озаглавленном «Взаимоотношения Армии в КВВС» [18]. Однако этот документ был составлен им уже после ухода с поста военного министра, в период же обсуждения и принятия концепции воздушного контроля Уортингтон-Эванс дистанцировался от ее прямой поддержки или осуждения в официальных бумагах, зачастую ограничиваясь цитированием военных специалистов, как выступавших против, так и приводивших доводы в пользу нового метода обеспечения безопасности заморских территорий. Например, в записке от 9 февраля 1922 г. военный министр, не высказывая своего суждения, приводит мнение офицеров генерального штаба о недопустимости замены традиционного гарнизона в иракском городе Мосул самолетами и группой бронетехники по причине непригодности местности для действия бронев автомобилей, агрессивности и коварства местного населения, воинственных настроений в Турции и иных факторов [8]. А 20 февраля того же года Уортингтон-Эванс составляет меморандум, озаглавленный «Ирак», в котором (опять же без оценочного суждения) приводит мнение главнокомандующего британскими войсками в Ираке Эйлмера Халдейна, сообщающего, что угроза, исходящая от местных племен, сильно преувеличена, а сохранение дополнительного контингента в Мосуле приведет к излишним расходам, не запланированным в бюджете [10]. В конечном итоге противостояние КТК и Армии с КВВС привело к тому, что в 1930-х гг. их взаимодействие практиче-

ски сошло на нет, что негативно отразилось на общей боеспособности вооруженных сил. Примером могут послужить учения 1939 г., в ходе которых стало ясно, что бронированные армейские подразделения просто не могут наладить связь с ВВС по причине отличающихся условных обозначений и кодовых слов, в результате чего офицерам по личной инициативе пришлось организовывать собрание, на котором в обход командования была выработана общая терминология для участвующих в маневрах подразделений [7, р. 98]. Наряду с этим Уортингтон-Эванс с первых дней пребывания в должности военного министра, выступая в парламенте, поддерживал идею сокращения кавалерийских подразделений и повышения боеспособности оставшихся за счет их перевооружения бронетехникой (20 April 1921. Vol. 140. Col. 2015).

Первый срок пребывания на посту военного министра закончился для Уортингтона-Эванса 19 октября 1922 г. в связи с уходом в отставку Ллойда Джорджа. Во время первого срока Стэнли Болдуина в 1923–1924 гг. Уортингтон-Эванс занимал должность главного почтмейстера, а после возвращения Болдуина к власти в результате октябрьских всеобщих выборов 1924 г. Уортингтон-Эванс вновь занял кресло военного министра [14].

Второй и более продолжительный период руководства Уортингтоном-Эвансом военным министерством также был отмечен рядом решений экономического характера. Например, в 1925 г. военный министр подписал распоряжение о закрытии учебного ремонтного батальона КТК, что, по заявлению Уортингтона-Эванса, должно было позволить экономить до 50 000 £ в год. При этом личный состав подразделения был частично переведен в другие рода войск, а частично уволен в запас (02 July 1925. Vol. 185. Col. 2831W). В том же году военный министр в очередной раз отложил формирование спецификации для танков, позволившей бы производственным предприятиям с большей уверенностью и пониманием запросов вооруженных сил конструировать боевые машины и принимать участие в конкурсах военного ведомства (16 June 1925. Vol. 185. Col. 303W).

Однако именно второй срок нахождения Уортингтона-Эванса в кресле военного министра сопровождался рядом решений, позволивших снискать ему у ряда историков славу покровителя бронированных подразделений. В 1925 г. при участии Уорингтона-Эванса военное министерство наконец выкупило у фермеров земли в долине Солсбери, органи-

зовав там крупный военный полигон [15] взамен оставшегося на территории Свободного Ирландского государства несколько лет назад (15 March 1923. Vol. 161. Col. 1835). Именно наличие этого полигона позволило провести первые крупные военные маневры с окончания Первой мировой войны. Эти учения стали первыми за 15 лет, в которых были задействованы не единичные танки и бронемашин, а целые подразделения (16 Mar 1925. Vol. 115. Col. 1892). По результатам учений военным министром было принято решение о создании Экспериментальных мобильных сил, позднее переименованных в Экспериментальные бронированные. Целью этого шага, по словам самого министра, была «проверка возможностей бронированного подразделения, предназначенного для действий в качестве автономного образования, а также нахождение лучшего состава сил и развитие тактики их использования» (08 Mar 1928. Vol. 214. Col. 1286).

Изначально руководить этим экспериментальным подразделением должен был Фуллер, которого министр характеризовал как «талантливый офицер, проводящий специальные исследования в вопросах механизированной войны, чьи знания и методы руководства помогут дальнейшему развитию механизации» (07 Mar 1927. Vol. 203. Col. 886). Однако в дальнейшем из-за проволочек с созданием Экспериментальных сил, а также трений с начальством Фуллер подал в отставку. При этом, по свидетельству современников, Уортингтон-Эванс высказал крайнее неудовольствие по поводу того, что Фуллера «выжили» с должности, однако никаких существенных действий по исправлению ситуации не предпринял [19, р. 76–79].

Более того, действия военного министра не способствовали ускорению процесса создания Экспериментальных мобильных сил до тех пор, пока потерявший терпение Лиддел Гарт не призвал его к ответу в своей статье с говорящим названием «Армейская загадка – где Механизированные силы?» [6]. Выступая перед парламентом, Уортингтон-Эванс мотивировал свои неторопливые действия тем, что, по его мнению, Великобритания существенно опережает все иные страны в вопросах механизации и использования бронетехники, а посему нет нужды в поспешных действиях, могущих повлечь излишние расходы (25 April 1927. Vol. 193. Сс. 78–79). Кроме того, в процессе создания Экспериментальных мобильных сил в 1927 г. военный министр составил меморандум, в котором декларировал невозможность большой войны в течение минимум 10 лет, ис-

ходя из чего признавал танки ненужными и неоправданно дорогими для британской армии [17], что не способствовало развитию бронетехники в Соединенном Королевстве.

В конечном итоге по прошествии нескольких лет экспериментальное бронированное соединение было все же создано и испытано в серии маневров 1927–1928 гг. Эти, без преувеличения, революционные по меркам того времени военные эксперименты привлекли пристальное внимание военных всех промышленно развитых стран. Например, советский военный теоретик и практик М.Н. Тухачевский в своей монографии 1933 г. «Моторизация и механизация армий и война» достаточно подробно рассмотрел эти упражнения, в главе «Репетиции мотомеханизированной войны», дав им высокую оценку [4, с. 175–231]. По их результатам военный министр, выступая перед парламентом, заявил: «Конечно, пока рано говорить о каких-либо положительных результатах экспериментов... На данный момент мы должны поддерживать войска, о применении которых нам известно... У нас есть машины, которые могут помочь кавалерии в прорыве вражеской обороны, сделав ее еще более мобильной и повысив ее огневую мощь... Мы хотим усилить кавалерию, добавив один бронированный полк к кавалерийской бригаде, и мы полагаем, что два кавалерийских полка должны обменять лошадей на бронированные транспортные средства» (08 Mar 1928. Vol. 214. Col. 1286). Не забыл Уортингтон-Эванс и про традиционную для себя осторожность, сообщив собравшимся: «Я считаю, что армия хочет прогресса, но я обязан быть осторожным, так как крайне просто увлечься кажущейся легкостью, с которой механизированные средства ведут себя на параде в отсутствии противника» (08 Mar 1928. Vol. 214. Col. 1286).

Кроме экспериментов в области применения бронетехники 1928 г. выделялся маленькой, но важной для КТК победой в бюрократических баталиях, о которой редко вспоминают, говоря о Уортингтоне-Эвансе, а именно пересмотром ролей главного генерала по вооружению (Master-General of the Ordnance) и генерал-квартирмейстера (Quartermaster-General to the Forces), чьи полномочия и зона ответственности часто пресекались, приводя в военную жизнь путаницу и беспорядок. Изменения назрели давно, и после многих лет споров и создания комитетов в 1928 г. Уортингтон-Эванс наконец запустил процесс переподчинения ряда армейских структур. Список изменений был довольно внушительным и включал во-

просы снабжения, производства техники и боеприпасов, реквизирование техники в случае войны и многое другое. Несмотря на тут же обрушившуюся на военного министра критику, в которой его обвиняли в нерешительности, неспособности досконально разобраться в ситуации, затягивании сроков принятия решения и ошибках в ряде пунктов (28 February 1928. Vol. 70. Сс. 247–284), КТК эта небольшая реформа принесла главное – определенность. По словам самого Уортингтона-Эванса, одним из недостатков старой схемы распределения полномочий было то, что армейская техника делилась по принципу устройства двигателя*. Колесная техника, независимо от наличия вооружения и бронирования, подчинялась генерал-квартирмейстеру, в то время как гусеничные машины находились в ведении главного генерала по вооружению. Эта ситуация, сложившаяся еще в годы Первой мировой войны, создавала массу проблем КТК, в составе которого находились боевые и транспортные машины обоих типов, а также полугусеничные автомобили, принадлежность которых была не ясна. Военным приходилось иметь дело сразу с двумя армейскими структурами с собственными управленческими, производственными и логистическими подразделениями, что вызывало массу споров, путаницы, противоречий и просто ненужной волокиты, а также бумажной работы. В новом варианте организации военных служб все армейские транспортные средства и боевые машины подчинялись главному генералу по вооружению независимо от типа двигателя. Таким образом, при непосредственном участии Уортингтона-Эванса наконец была устранена бюрократическая путаница, появившаяся более чем за 12 лет до этого, что добавило ясности и порядка в работу тыловых служб, КТК и иных родов войск, имевших на вооружении сухопутные транспортные средства. Впрочем, на устранение этой проблемы военному министру понадобилось без малого 7 лет, что позволяет согласиться с рядом британских парламентариев, критиковавших его за неторопливость и нерешительность.

В 1929 г. на последнем для себя в роли военного министра ежегодном парламентском заседании, посвященном вопросам финансирования вооруженных сил, Уортингтон-Эванс заявил о большом прогрессе в области механизации Армии, достигнутом за все время его на-

* Двигатель – устройство для преобразования энергии механического двигателя или природного источника в полезную работу, обеспечивающую движение транспортных и боевых средств [3, с. 115].

хождения во главе военного министерства начиная с 1921 г., весьма позитивно описав состояние дел в британских вооруженных силах, отдельно остановившись на положении дел в КТК: «В Королевском танковом корпусе современный тип танка заменил старые танки времен войны, а также мы провели эксперименты и исследования в столь больших масштабах и с таким успехом, что можем с уверенностью говорить о превосходстве над всеми армиями мира не только в конструкции наших танков, но и в наших идеях их боевого применения» (28 Feb 1929. Vol. 225. Col. 2214). Действительность же была куда менее радужной, в 1931 г., менее через два года после ухода Уортингтона-Эванса с поста военного министра, в дополнении к секретному меморандуму британского генерального штаба, озаглавленному «Оценка военной ситуации в Европе, март, 1931» сообщалось: «Фактически мы имеем на вооружении более 400 танков различных типов, но в основном это машины старого образца. В действительности современных танков достаточно только для оснащения двух батальонов. Остальные – либо экспериментальные, либо устаревшие» [13, p. 457].

После описания ситуации в КТК военный министр подтвердил озвученную в прошлом году точку зрения, сообщив депутатам, что по итогам прошедших в предыдущие годы учений было принято решение о перевооружении кавалерийских частей бронетехникой из армейских запасов и, что самое важное, начала разработка новых – легких и быстроходных танков, отвечающих запросам этих подразделений (28 Feb 1929. Vol. 225. P. 2209–2269). Фактически военный министр «благословил» компромиссное решение по перевооружению британских кавалерийских подразделений бронетехникой. Как и все компромиссы, этот имел неоднозначные последствия. С одной стороны, практика замены лошадей на танки и бронеавтомобили способствовала внедрению техники в войска, позволяя преодолеть сопротивление большинства сторонников кавалерии, вполне обоснованно видевших в создании отдельных танковых войск угрозу существованию конных подразделений. О желании угодить «кавалеристам» красноречиво свидетельствует тот факт, что Уортингтоном-Эвансом особо подчеркивал то, что уланские и гусарские полки, сменившие лошадей на бронетехнику, сохраняют не только свои названия, но и форму, знаки отличия, структуру и все иные отличительные черты кавалерии (08 Mar 1928. Vol. 214. Col. 1268). С другой стороны, подоб-

ный компромисс оставил массу недовольных как в лагере сторонников бронетехники, по примеру Лиддел Гарта считавших, что кавалерийский подход погубил саму суть мобильной бронированной войны [11, p. 77], так и среди особо ярких сторонников конницы, продолжавших сопротивляться потере роли лошади в Армии. Кроме того, идея передачи танков существующим армейским подразделениям неизбежно повлекла за собой трансформацию тактики применения бронетехники (а позже и ее конструкции) под нужды конкретных родов войск. Именно этот подход к развитию танковых войск в Великобритании в дальнейшем привел к появлению пехотных и крейсерских танков, спроектированных под пехотную и кавалерийскую тактику соответственно. В ходе Второй мировой войны британцы признали практику разделения танков на тихоходные и хорошо защищенные пехотные и быстрые, но слабо бронированные крейсерские во многом неверной [5, с. 105] с точки зрения как производства, так и применения, перейдя к использованию и проектированию легких, средних и тяжелых танков, сочетавших в рамках своей весовой категории максимально возможную защищенность, скорость и вооружение по образцу танковой промышленности других промышленно развитых стран.

Анализируя деятельность Уортингтона-Эванса на посту военного министра с точки зрения развития британских бронетанковых войск, вряд ли можно согласиться с восторженной оценкой, даваемой ему некоторыми британскими историками. Несомненно, при нем был проведен ряд военных учений и экспериментов, уникальных не только для британской армии, но для танковых войск других стран конца 1920-х – начала 1930-х гг., привлекая пристальное внимание даже за рубежом. Однако, глядя на ряд высказываний и решений военного министра, имевших как неоднозначные, так и откровенно негативные последствия для будущего британских танковых войск, Уортингтоном-Эвансом скорее можно отнести к категории типичных британских бюрократов, склонных к поиску компромиссов и решений, устраивающих все стороны, основным девизом которого могла бы стать фраза «Неторопливость, осторожность и экономия».

Список литературы

1. Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: учеб. пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012.

2. Петунин К.Б. Танковые войска Великобритании 1920–1930-х годов: путь из лидеров в отстающие или жертва компромисса? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики 2016. № 2(64). С. 150–155.

3. Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1979. Т. 3.

4. ТАУ. Моторизация и механизация армий и война. М.: Гос. воен. Изд-во, 1933. С. 175–231.

5. Фуллер Дж.Ф.Ч. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Иностр. лит., 1956.

6. An Army Mystery – Is There a Mechanical Force? // The Daily Telegraph. 1927. 22 April. P. 9.

7. Biddle T.D. Rhetoric and Reality in Air Warfare: The Evolution of British and American Ideas about Strategic Bombing, 1914–1945 (Princeton Studies in International History and Politics). New Jersey. Princeton University Press, 2002.

8. British troops in Mosul. Memo by the S. of S. for War, 9th February, 1922. С. P. 3717 // National Archives of Great Britain. Public Record Office. CAB/24/133.

9. Fletcher D. Mechanised Force: British Tanks Between the Wars. L. H.M. Stationery Office, 1991.

10. Iraq. Memorandum by the secretary of state for war. 1922. 25th February. С.Р. 3781 3717 // National Archives of Great Britain. Public Record Office. CAB/24/133.

11. Liddell Hart B. Memoirs. NY. G. P. Putnam's Sons, 1965. Vol. 1.

12. Liddell Hart B. The Tanks. The history of the Royal Tank Regiment 1914–1945. L., 1965. Vol. I.

13. Military appreciation of the situation in Europe, 31 March, 1931. С.Р. 96(31) // National Archives of Great Britain. Public Record Office. CAB 24/200.

14. Oxford Dictionary of National Biography [Electronic resource]. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/33045> (дата обращения: 15.04.2017).

15. Proposed purchase of land at Salisbury plain, 17th August 1925. С. P. 394 (25). // National Archives of Great Britain. Public Record Office. CAB 24/174.

16. Proposed training school for army mechanics, 20th June 1921. С. P. 3059 // National Archives of Great Britain. Public Record Office. CAB 24/125.

17. The Preparation of the Army for War. Memorandum by the Secretary of State for War, 19th July,

1927. С.Р. 207(27) // National Archives of Great Britain. Public Record Office. CAB 24/188.

18. The relations of the Army and the Royal Air Force. Memorandum by Sir Laming Worthington-Evans, 3 July, 1923. С. P. 304 (23) // National Archives of Great Britain. Public Record Office. CAB 24/161.

19. Winton H.R. To Change An Army: General Sir John Burnett-Stuart and British Armored Doctrine, 1927–1938 Lawrence. University Press of Kansas, 1988.

* * *

1. Ostapenko G.S., Prokopov A.Ju. Novejšaja istorija Velikobritanii: XX – nachalo XXI veka: ucheb. posobie. M.: Vuzovskij uchebnik: INFRA-M, 2012.

2. Petunin K.B. Tankovyje vojska Velikobritanii 1920–1930-h godov: put' iz liderov v ostajushhie ili zhertva kompromissa? // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki 2016. № 2(64). S. 150–155.

3. Sovetskaja voennaja jenciklopedija. M.: Voenizdat, 1979. Т. 3.

4. ТАУ. Моторизация и механизация армий и война. М.: Гос. воен. Изд-во, 1933. С. 175–231.

5. Fuller Dzh.F.Ch. Vtoraja mirovaja vojna 1939–1945 gg. Strategicheskij i takticheskij obzor. M.: Inostr. lit., 1956.

*Influence of the Minister of war
L. Worthington-Evans
on the development of the British
armoured forces in the interwar period*

The article deals with the activities of the Minister of war L. Worthington-Evans and his influence on the development of the British armoured forces in the interwar period. The work is based on the archival materials of the National archives of Great Britain and the transcripts of proceedings of the British Parliament.

Key words: *Great Britain, armoured forces, armoured troops, Worthington-Evans, the 1920s, interwar period.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2017)

